

Дарья Голощапова

10 класс
.....

Необходимо и достаточно

Дорогая Марина!

Помнишь, о чём говорили мы тем вечером, когда все разговоры сводились к чудесам, которые вытворяет разум, и к вечным человеческим вопросам? А может, и не было такого вечера? Так или иначе, я никогда не расписывала, подобно манифесту, что есть для меня достаточное, а что — необходимое. Звучит как экономические термины, хоть Маркса цитируй, а на деле — вот она, настоящая широта нашей жизни.

необходимое

Сейчас я имею всё, что мне нужно, — и знаю, что буду иметь всё необходимое всегда.

Я смогу найти себе пропитание и потом, а сейчас я довольна тем, что человек способен употреблять пищу и наслаждаться ею.

Я смогу мечтать о том, как красиво и кинематографично будет летом, как мечтаю и в эти зимние дни. Как я в соломенной шляпе буду стоять в шаге от моря (пускай на самом деле это и водохранилище), как я буду кататься на мотоцикле и слушать музыку. Мне необходимо, как необходимо есть и пить, думать о том, что будет летом. Тогда я люблю жизнь.

Во время холода или дождя я имею возможность зайти домой. А если её не будет, этой возможности? Ну и пусть, я придумаю себе другую нужду на место этой.

Даже если те, кто любит меня, покинут эту Вселенную, я буду помнить, что они были. В памяти — другая моя необходимость. Лучше, чем на любых фотокарточках, в моей голове сохранились шестьдесят пять времён года (легко подсчитать, что автору идёт семнадцатый год. — Прим. ред.).

достаточное

Итак, сразу заявляю: для меня не может быть ничего достаточного.

Я бы завалила всё вокруг (и ванную, и кухню) тонной шёлковых платьев, я бы засыпала своё

тело драгоценными камнями: и персепольской бирюзой, и священными камнями земли Офирова, и смарагдами, любимыми камнями царя израильского, — в общем, всем, что только можно найти в мире.

Я хочу всего, хочу того, чем мне никогда не стать. Мне никогда не прожить жизнь маркизы эпохи Просвещения, не танцевать в кабаре «Мулен Руж», не танцевать даже в «Кабаре» с Лайзой Минелли, не идти с кумачовым флагом на демонстрацию в революционном Петрограде. Так жаль, милая Марина, что никогда мне не сверкнуть старлеткой шестидесятых, никогда даже не пахать повожское поле.

Я хочу пережить жизнь каждой твари, когда-то ходившей по Земле, и самую страшную, и самую прекрасную жизнь, слиться с ними всеми сразу, с дыханием всего существующего и существовавшего и всего, что будет существовать. Мне бывает грустно оттого, что во мне нет ничего личного, настоящего и что нельзя выйти за пределы возможностей человека.

«И какой же вывод отсюда следует?» — наверняка подумаешь ты, Марина, заранее уже зная, что я отвечу.

Всё необходимое моей душе я имею сразу, ничего достаточного для меня не существует. Значит ли это, что я едина с миром, что я — счастливая его жительница? Нет, не бывает людей, которые всё ещё чего-то хотят и одновременно счастливы. Так не бывает.

Я рада тому, что я несчастлива и могу жить, стремясь заполнить свою пустоту полнотой этого мира — всем необходимым и всем недостаточным.

Карина Хон

8 класс
.....

Прощальное послание

По иронии многих историй, дети часто не желают заниматься тем, чем занимаются их родители. К счастью или нет, от своего отца я унаследовала не только корейскую внешность, но и любовь к естественным наукам. Он был кандидатом наук

по химии, на полках его книжного шкафа лежали две увесистые диссертации. И, казалось бы, вместе мы могли бы сделать тысячи интересных вещей...

Но папы нет. Уже несколько месяцев.

Недавно бабушка принесла из его опустевшей комнаты два небольших хрустящих пакета. Там лежали небольшие трубочки, аккуратно и трепетно завернутые в желтоватую бумагу. На многих «упаковках» были напечатаны стёртые слова: «Биокоординационная химия», «Применение координационных соединений». Тогда я думала, что, возможно, всё это — мелкая лабораторная посуда. Но через пару секунд, распустив обёртку одной из них, я удивлённо разглядывала ленты для диафильма.

«Может, там фильм про моего отца? Как он, к примеру, на каком-то собрании рассказывает что-то на тему органики? Что-то похожее на съёмки экспериментов?»

Остаток вечера я посвятила размышлениям о добыче аппарата для просмотра диафильмов, ибо желание посмотреть хотя бы один из них меня не покидало.

Но где вообще можно было достать фильмоскоп? Существует ли этот аппарат в свободном доступе вообще? Наверное, глупо идти в краеведческий музей и просить посмотреть ленту.

В школе я невольно заикнулась о находке, и каково же было моё удивление, когда чуть ли не на весь класс моя подруга заорала, словно умалишённая: «Так у меня он есть!»

Я не верила ей буквально до того момента, пока она не поставила облезшую коробку с фильмоскопом на парту.

Мы попросили учительницу русского помочь завести его. Тогда я думала, что вот-вот упаду в обморок от волнения перед грядущим просмотром. Но взгляд мой на секунду упал на картинку, что едва видимо просвечивалась сквозь темную плёнку. Нервно развернув ленту, я быстро проглядела её.

В следующее мгновение я извинилась и попросила убрать диафильм. «Я заберу его домой, можно?» Подруга была удивлена, даже обеспокоена. Она рассеянно кивнула, а я поспешила уйти.

Что же было на плёнке? Отчего я так резко оборвала просмотр заветных знаний, что, возможно, были открыты моим папой? Ведь он всегда гордился моим выбором идти по его стопам и был невероятно счастлив этим. Всё, что осталось в его старых блокнотах, было и есть моё, как некая реликвия семьи, которую я должна пронести в будущее и совершить масштабные открытия.

Вот только не было на этой ленте ни химии, ни совещаний.

Там была моя семья. Плёнки с моими детскими фотографиями, любовно сохраняемые папой в химических пробирках...

Диана Чмуж

10 класс

Мир, я пытаюсь тебя понять!

старость (неблагодарность)

... запах корвалола, кружева салфетки на телевизоре и несколько пар очков. Молодость — запах табака с алкоголем и море презрения к старости.

Вот такие неблагодарные «перелюбки» выросли.

Нас холили и лелеяли с самого детства, теперь мы с отвращением смотрим на сморщенные руки и совершенно не задумываемся, что собственные пальцы, униженные старомодными перстнями, будут когда-то выглядеть так же. Старость кажется отдалённой, нереальной, будто ты умрёшь в тридцать — и на этом всё... Не будет ни стопки кроссвордов на комод, ни лекарств в холодильнике.

На самом же деле пройдёт время, мы повзреем, станем умнее и резоннее, приобретём сердечный сбор и ряд расписных слоников на полку. Забывчивость перестанет казаться смешной и войдёт в привычку, а слово «маразм» станет оскорбительным. Но это же будет там, в далёком будущем! А пока мы продолжим лениться и любить себя, думая, что осталась ещё уйма времени на извинения перед матерью за отложенный приезд...

А потом — раз, и всё... Мы сидим, припорошённые проблемами стужки боли и беспокойства, сидим перед пустым экраном и ждём, ждём не извинения, а простого звонка, которого когда-то не совершили сами...

деньги (крошки)

...они поглощают сознание, заставляют хотеть всё больше и больше, разъедая нас, словно червяк яблоко. Они разносят по венам холодную ртуть, превращая каждого в того самого ржавого дровосека без сердца и эмоций, с единственным отличием — мы не просим Гудвина это исправить... Мы — наркоманы, тащащие из закров своей души всё самое ценное, важное и родное, меняем всё это на ещё один нолик в счёте банка.

Деньги рушат семьи и отношения. Дал — молодец, мы рады и благосклонны. Ежели нет — то сразу рвать и метать: мол, где моё блюдо с каёмкой? Сидим на золотом табурете, в шелках, потирая чёрствые руки в перстнях, такие одинокие и пустые. Мы вынесли всё, раздувая карманы огромнейшей толщины, — семью, любовь, дружбу, не осталось ничего, чем можно заполнить душу.

А когда приходит время умирать, мы оборачиваемся и видим свой Гензелев след на пустой дороге...

сомнения (необходимо и достаточно)

... а ты не знал, как в твоей судьбе всё меняет один шаг? Конечно, так же легче! Не нужно напрягаться ни единого мускула. Так и стойшь, бережётся любых нагрузок, жалея себя, заплывшего жиром негодования и ничтожности. Так ведь проще, правда? Проще двигаться по протоптанному и думать, косясь на сумасбродство: «Повезло!» — а после: «Тоже мне Леонардо. Тебе же всё преподнесли, обложили дорогу персидскими коврами и пнули уже на середину!»

Пусть так. Ты можешь продолжать жалеть себя и роптать на незаслуженные страдания — или же сделать один шаг в сторону и увидеть, что путь к цели совсем не пуст, не мягок, ну и совсем не лёгок. Что всё воображаемое тобой — всего лишь оболочка, а там, внутри, тернии и пустыни, ни тебе ковров, ни шелков, ни пинка, только осуждение и плевки от таких, как ты. Страшно? Тяжело. Ноги подкашиваются, дрожишь, пятишься — и оступаясь... Теперь *всё*, пропасть... Темно, летишь ты в эту яму и думаешь: «Вот оно, значит, как: чтобы добиться чего-то, необходим один шаг, и в то же время его достаточно, чтобы всё потерять...»

одиночество эпохи смартфонов (консервы)

... консервация — процесс отвратительный: что-то запикивают в холодные жестяные банки, лишая возможности мыслить и развиваться.

В двадцать первом веке их наконец открыли, доставая уже подгнившее глупое содержимое. Вроде бы теперь всё хорошо, мы свободны, можем найти всё, что угодно, на «бескрайних просторах Интернета». Лишь проведи пальцем по холодному мёртвому экрану — и всё, ты победитель, больше ничего не нужно делать. Мы поселились на мягких диванах, полностью поглотивших всё человеческое нутро, оставивших торчать лишь руки со смертельной игрушкой в скрюченных пальцах. Мы давно уже не смотрим на окружающих, замечая лишь посты во «ВКонтакте» и «Instagram», там ведь все блестящие, красивые и смешные, никаких тебе искажённых проблемами лиц и тусклых глаз.

Кажется, что это самый прекрасный мир, созданный нами, ведь в нём всё так просто. Но за этой тошнотворной простотой спрятано что-то действительно важное, что-то, что не влезло в этот просторный земной шар на твоём экране.

Да, проблемы действительно исчезли, стало легче связаться, найти что-то или кого-то, зато вещи и чувства потеряли своё огромное значение.

Если раньше ты с трепетом слышал родной голос в трубке, покрываясь потом смущения и благодаря

телефонистку, уже кажущуюся родною, то теперь, наоборот, мы выключаем звук, разглаживая вьёвшуюся складку над бровями и блаженствуя из-за прекращения этого нудного вечного гудка, оповещающего о какой-то ненужной картинке.

Мы перестали радоваться мелочам и совершать безрассудства. Будто инкубаторные, мы идём по протоптанному пути: родиться, зарегистрироваться, отучиться, показать всем свою счастливую жизнь, побрюзжать и умереть... Даже самое прекрасное чувство, всегда казавшееся неподвластным подделке, смогли упростить до нужды. Думаешь, что любовь — это трепет, надпись на асфальте и желание никогда не расставаться с человеком? Нет. Теперь это пиксельное сердечко на экране, непристойные фотографии и желание тела.

Всё тёплое, что когда-то было топливом для чувств и радости, всё настоящее и кипящее исчезло, оставшись в той закрытой жестяной банке, а мы и рады, продолжаем врать себя о благе прогресса, сидим такие одинокие и несчастные, подсвеченные холодной синевой нашего единственного неживого «друга»...

надежда (одна из трёх сестёр)

... говорят, что я умираю последней, такая бесполезная и немая, что становится даже не жаль. Зато прихожу — желанная и тёплая, такая, что хочется обнимать. Я из тех, кто появляется в тихой комнате, нарушая её молчание, пинает носком глянцевого туфли ворох стекла, помутневшего и звенящего, поднимает тебя из мусора, хватаясь за трясущиеся пальцы уверенной рукой.

Мне плевать на статус и внешний вид, на пол и возраст, я — всеобщий друг, приходящий вовремя. Меня Бог из-за пазухи вытащил и послал помогать человекам. Я до безумия добрая и жестокая, полностью состоящая из противоречий, потому что для всех разная — то мизерная, то огромная, то видимая, то незримая.

Меня видят во всём, что угодно: в деньгах, в людях, в словах и действиях, но лишь тогда, когда случается худшее и страшнейшее. Я помогаю там, где ты сам себе не можешь помочь.

Думаешь, я прекрасная и желанная? Нет. Счастливые и смеющиеся меня в жизни не позовут. В этом и разница между мной и моими подругами: каждый имеет своих друзей.

Мои — это страдалицы и страдальцы, мученики и неудачники.

Я — подруга лишённых любви и веры.

Вы говорите, что я последняя умираю, на самом же деле — я последняя прихожу...